

*Посвящается Кэти В.
Париж всегда будет нашим!
(Точнее, терминал 3 аэропорта Орли.)*

Приглашаем вас на свадьбу

Кейли Луиз Майклз

и

Маркуса Николсона

Суббота, 24 мая

10:30

Вилла Laguna Azul,
Барселона, Испания

После церемонии — банкет и танцы

*Дресс-код: вечерний (бирюзовое
не надевать, все остальные цвета
приветствуются!)*

БЕЗ детей

*Вместо подарка просим сделать
пожертвование в фонд медового месяца!*

Глава первая

Джемма

Представьте себе: идеальная жизнь. Та самая, для которой вы, собственно, и родились.

Начинается она с идеального мужчины: красавчик с потрясающей улыбкой — той самой, от которой все и всегда тащатся, а у тебя внутри каждый раз все слегка подтаивает. Шикарная шевелюра, чувство юмора, да еще и помогает на кухне. Планка, само собой, невысокая, но, господи боже, как легко он ее перемахивает, с каким запасом!

Затем идеальный дом: квартира, которую удалось урвать за смешные деньги — случилось чудо и ставки по ипотеке упали настолько, что банк внезапно сказал тебе «да». Ты, конечно, обставила ее со вкусом — месяцами перерывала Pinterest в поисках вдохновения и подбирала безупречные вещи под твой стиль. И теперь, стоит выложить фотки в интернете или пригласить друзей поужинать, ты совершенно уверена — все так и плятятся на декоративные балки, залитые естественным светом,

и на паркет, который ты откопала под страшным ковролином.

А еще идеальная работа: выстраданное повышение, жирная прибавка к заработной плате и должность, больше похожая на титул, — не зря ты годами пахала как проклятая. Вечный недосып из-за дедлайнов типа «срок — вчера», выпадающие от стресса волосы, нервный тик при каждом новом уведомлении в рабочем чате — все это окупилось.

И как венец всего — идеальная свадьба.

Не какое-нибудь заурядное торжество, а выездная церемония на самом что ни на есть идиллическом прибрежном курорте в окрестностях Барселоны: роскошная вилла, белоснежный песок. Идеальное платье, идеальное место, идеальный торт...

Это будет идеальный день. Иногда я и сама не верю, что все это по-настоящему, что такое сказочное совершенство бывает не только в сопливых мелодрамах.

Идеальное начало остатка идеальной жизни. И, черт побери, как же я ненавижу эту суку, которая все у меня украла. Мою «лучшую подругу». Невесту.

Стою в аэропорту, жду рейс на эту расчудесную свадьбу, а телефон в кармане прямо жжется. И все из-за одного видео с девичника.

Я-то знаю, этой бомбы хватит, чтобы разнести все к чертям.

Надо было удалить. Как лучшая подруга (и подружка) невесты, я, конечно, должна была удалить это видео.

Должна была. Но не удалила.

А в голове так и крутится — прямо закадровый монолог в стиле Кэрри Брэдшоу*, — вот ведь засада будет, если это видео случайно всплывет в разгар такой идеальной-преидеальной свадьбы.

---

* Кэрри Брэдшоу — главная героиня романа американской писательницы Кэндес Бушнелл «Секс в большом городе» и одноименного телесериала. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Глава вторая

Леон

То, что я опаздываю в аэропорт, вовсе не знак свыше.

Как и то, что пришлось возвращаться за забытым паспортом, что спустило колесо, что с меня почему-то дважды списали деньги за такси и что я облил штаны кофе. Какое-то время казалось, что рейс вообще отменят: из-за ливня и шквального ветра уже задержали кучу других дневных вылетов.

Хотя, если честно, я просто-напросто ищу этот знак. Свадьба — ошибка.

Я это понял не сейчас, не сегодня. И я уверен, что не одинок в этой мысли. Но что тут поделаешь, если твоя сестра объявляет, что встретила любовь всей жизни? Если она совсем потеряла голову и даже не задумывается, что все это — помолвка, свадьба, совместная жизнь — слишком уж скоропалительно? И лишь на том основании, что она, видите ли, абсолютно счастлива...

Нельзя же просто посмотреть ей в глаза и сказать, что она ошибается. Я почти молился об отмене рейса.

Зачем-то пообещал выступить с речью вместо отца, и пустой блокнот, который я месяцами таскаю с собой в надежде на вдохновение, просто сводит меня с ума. Вот бы рейс и правда отменили — и тогда не придется лететь ни на какую свадьбу, стоять дурак дураком и врать через силу, как я счастлив и как все мы счастливы за Кейли.

Когда я думаю об этой свадьбе, то вижу не сияющую от счастья сестру, а маму с ее вымученной улыбкой. И папу — как он часто-часто моргает, а потом тихо говорит: «Конечно». Это когда Кейли заявила, что он недостаточно здоров, чтобы вести ее к алтарю...

До Маркуса это было непредставимо.

В голове крутятся обрывки речи. Я хорошенько погуглил и теперь представляю, как она должна начинаться.

Когда мы познакомились с Маркусом, начинаю я мысленно — и тут же спотыкаюсь.

Когда мы познакомились с Маркусом...

Нет, я могу, конечно, наскрести с десятков дежурных любезностей. Как они с Кей смотрели друг на друга сияющими глазами и все вокруг светилось, как нам сразу стало ясно, что они созданы друг для друга, как мы все поняли, что свадьба — дело решенное...

Когда мы познакомились с Маркусом, думаю я с горечью, нам всем захотелось тут же попрощаться с этой надутой самовлюбленной скотиной.

И тут меня осеняет: должен же быть способ сорвать эту чертову свадьбу.

Глава третья

Франческа

Наверное, я слегка тронулась умом — и прекрасно это понимаю, — но, честное слово, я никогда еще не чувствовала себя настолько живой!

Теперь я знаю, почему они так поступают — ну, все эти героини романтических фильмов. Почему забывают про осторожность, ставят на кон все, что имеют, творят всяческие безумства, совершенно им не свойственные, — и только ради шанса быть с тем, кто предназначен им судьбой. У меня внутри все пузырится от восторга: вот он, мой звездный час! Я наконец-то получила главную роль!

Первую в жизни и, хочется надеяться, далеко не последнюю.

Не хочу даже думать, что будет, если ничего не выйдет. Наверное, просто сгорю со стыда и заползу в какую-нибудь щель, но... Я больше не хочу прозябать на вторых ролях в чужой истории.

Это мой сюжет. Мой великий роман.

Сердце замирает, стоит подумать о Маркусе. Его улыбка, его объятия, его острый ум и решительность... Его удивительный, волшебный смех. Каждый раз, когда мне удастся его рассмешить... господи, это самый чудесный звук на свете, такой густой, глубокий, заразительно-чарующий.

А когда я вспоминаю ту ночь, тот поцелуй — сердце не просто замирает, оно проделывает целую серию кульбитов олимпийского уровня. Прошло уже полтора года, но я до сих пор помню тепло его ладони на своей щеке и вкус его губ — будто вчера.

Такие поцелуи воспевают в балладах, о них слагают стихи, им самое место в волшебных сказках. Несколько месяцев офисного флирта и игр в кошки-мышки — и вот мы, сбжав с вечеринки, впервые остались наедине: под морозящим дождем и светом фонаря. Я прильнула к нему всем телом, встав на цыпочки, а он наклонился, притянул меня к себе, его рука скользнула мне на поясницу, и я задрожала...

Поцелуй длился, кажется, целую вечность.

А после, когда вечеринка закончилась, улеглись в обнимку, нашептывая друг другу что-то, пока не провалились в сон.

Но тут появилась Кейли, и все, что было между нами, просто растаяло. Как корабли в ночи: проплыли мимо друг друга, и чудо ускользнуло. Вместе с шансом на что-то настоящее, что-то прекрасное... Все выродилось в обычную дружбу, пусть и тесную, — но надежда на большее

все еще мерцает в его улыбках, в долгих объятиях, в ежедневной переписке...

Оно никуда не делось. То самое чувство. То напряжение. Та искра.

Я это знаю.

И Маркус тоже знает. Мне нужно с ним поговорить.

Нужно рассказать ему о своих чувствах. Нужно остановить эту свадьбу.

До «Я согласна»
осталось 19,5 часа

Глава четвертая

Джемма

«Начинается посадка на рейс до Барселоны...» — разносится по аэропорту, и у выхода тут же поднимается суета. Пассажиры хватают сумки, встают с мест, хлопают себя по карманам — проверяют телефоны и паспорта.

Я тоже должна быть среди них. Вернее, мне бы сейчас проталкиваться в начало очереди: как-никак лечу на свадьбу лучшей подруги. Это же так важно, так увлекательно!

А вместо этого я стою пень пнем, прижав телефон к уху, и слова начальницы никак не укладываются в голове.

— Прости, тут шумновато. Не могла бы ты повторить?

Она повторяет. И — вот чудеса-то — сказанное не меняется. Нет, это все-таки не глюки. Это правда.

Повышают не меня, а Кейли. Ей отдают ту самую позицию, которую я предложила ввести, потому что мы обе перерабатывали. Ту самую, под которую я выбила бюджет. Ту самую, которую я расписала в презентации и выклянчила у руководства.

Я даже не знала, что на новую должность проводят собеседования! Нигде не было объявления о вакансии. Я же четко обосновала в презентации, почему именно я идеальный кандидат на повышение. И руководство вроде как согласилось. А теперь, значит, взяли Кейли...

Спорим, она за моей спиной подкатила к нему с просьбой?

Идеальная должность — и эту должность отдали ей.

Она и так отобрала у меня все, а теперь еще и это. Единственное, что я считала по-настоящему своим. Я заслужила это долбаное повышение. Я, черт возьми, вкалывала ради него. А она увела мою должность.

Я жду, когда внутри все оборвется, когда хлынут слезы, — но нет, ничего. Наверное, потому что в глубине души я и так знала, к чему все идет. Все эти перешептывания Кейли с нашей Джанет, вечное «Кейли, можно тебя на минутку?» — а потом обе возвращаются в офис с одинаковыми стаканчиками из «Старбакса», прямо задушевные подружки... А я торчу за столом по уши в работе — той самой, с которой Кейли упрашивала ей помочь. Надо было догадаться раньше.

— Кейли уже знает? — спрашиваю я.

Ее всю неделю не было — уже нежится на барселонском солнышке перед свадьбой. Но она точно в курсе.

Джанет медлит, прежде чем ответить:

— Мы обсудили это с ней на прошлой неделе. Прости, что не сразу тебе сообщила...

— Я была в офисе с утра, — цежу я сквозь зубы.

Да нет, не цежу, а просто рычу. Божечки, я все понимаю, сейчас завал, но неужели нельзя было найти две минуты и позвонить? Не говоря уже о том, что мы виделись сегодня на совещании. Живьем.

А в лицо сказать было слабо, да, Джанет? Зато в пятницу после обеда, когда я уже в аэропорту, — самое то. Не удивлюсь, если она напрочь про меня забыла, а потом, в последний момент, запаниковала: поняла, что я увижусь с Кейли и, значит, уже должна быть в курсе новостей.

Меня трясет от злости.

А она все воркует — мягко так, спокойно, как с маленьким ребенком:

— Джемма, мы очень ценим твои усилия. Спасибо, что помогла обосновать необходимость этой позиции. Это показало твою готовность работать с полной отдачей. Если продолжишь в том же духе, то, возможно, в будущем появятся новые возможности для роста. Но сейчас решение принято...

Я закатываю глаза от этой банальщины, нашпигованной корпоративным сленгом, — но тут Джанет выдает:

— И, кстати, Кейли упомянула, что ты в последнее время еле справляешься с нагрузкой. Но это и так было очевидно из твоей презентации о новой позиции...

Стоп. Что там Кейли «упомянула»?!

— Так что сейчас эта должность тебе просто не подойдет. И мы, конечно, советуем обратиться к нашим специалистам по ментальному здоровью, если ты чувствуешь, что немного выгорела.

— Я выгорела, потому что нас заваливают работой, — шиплю я. — Об этом я и говорила, когда предлагала ввести новую позицию. Я более чем способна выполнять эту работу, и ты это прекрасно знаешь. Да я уже ее выполняю...

Меня вежливо прерывает снисходительный вздох.

— Мы ценим твое усердие, Джемма, но у тебя явные проблемы с завершением задач. Нам стало совершенно ясно, что тебе сложно доводить дела до конца и ты нуждаешься в поддержке. А Кейли уже доказала, что может ее обеспечить...

Всё, у меня в глазах темнеет.

Аэропорт заволочло багровым туманом, меня всю колотит от бешенства. Перед глазами проносятся картинки: вот Кейли просит помочь с работой — и в последний момент говорит, что все доделает сама: у нее чудом (ага, конечно) нашлось окно в графике. Вот она сама о-о-очень любезно предлагает помощь — у нее и «нужные контакты» есть, и «свободное время» отыскалось, — а я только радуюсь, что с моей переполненной тарелки хоть что-то забирают...

Сволочь. Она вела себя со мной как Стервятник. В точности как тот козел из «Бруклин 9–9». Стервятник, как есть Стервятник*.

Как я раньше не просекла?

---

* Стервятник (англ. The Vulture) — персонаж американского полицейского ситкома «Бруклин 9–9» (англ. «Brooklyn Nine-Nine»), который присваивает себе чужие заслуги, перехватывая у коллег почти раскрытые дела.

И ведь самое паршивое — я же всегда знала, какая она. Но все равно проморгала. Думала, мы просто... ну, сотрудничаем. Выручаем друг дружку. Как положено подругам. Если даже я не замечала подвоха, с чего ждать прозрения от начальства? Но я все равно огрызаюсь:

— Это полная дичь, и ты это знаешь. Ты знаешь, что я заслужила повышение. Знаешь, сколько времени и сил я вложила. И только потому, что я не улыбашка на позитивчике, которая на самом деле работает вполноги, ты теперь...

На этот раз вздох уже явно раздосадованный. Джанет цедит сквозь зубы:

— Именно такой подход к работе нас и беспокоит, Джемма... Слушай, решение принято. Точка. Хорошо тебе отдохнуть на этих длинных выходных. Во вторник жду тебя бодрой и готовой к работе, ясно?

Подход к работе? Она считает, у меня неправильный подход к работе?

Это что ж такого Кейли, черт ее дери, наплела обо мне за спиной?

Напоследок — прежде чем нажать отбой — мне, кажется, удастся выдавить что-то относительно вежливое.

Хочется заорать. Не ору, конечно, — в аэропорту за такое и повязать могут, — но пальцы на ручке чемодана белеют от напряжения, а к горлу подкатывает тошнота, и хочется блевать желчью.

Я, так и быть, разрешаю этой волне тоски, ревности и праведного гнева (абсолютно оправданного!)

захлестнуть себя с головой — потому что в следующие пару дней придется запихивать все эти чувства куда поглубже.

Придется все время улыбаться, живописно пускать слезу от счастья (это для фоток, я тренировалась), заливать соловьем, какая красивая получилась свадьба, как замечательно все сложилось и какая они великолепная, сногшибательная, чудесная, идеальная пара. Быть образцовой подружкой невесты.

Божечки, хоть бы у какой-нибудь коровы хватило наглости припереться в белом платье — я с чистой совестью оболую ее красным вином, представляя себе, что на самом деле это Кейли с ее наглой рожей...

Можно было бы списать все на повышение, которое она у меня увела, — но нет, тут копать и копать.

Пока я плетусь в хвосте очереди на посадку, меня разрывает между ужасом и нетерпением. Сяду в самолет — и все, готово, обратной дороги нет. Это с одной стороны. А с другой — скорее бы уже отмучиться.

Я же месяцами все это терпела. Планировала девичник, моталась по магазинам, помогая выбрать платье, таскалась на примерки, шерстила сайты в поисках площадок, строчила письма насчет цен, обсуждала букеты и кейтеринг... Часами — нет, правда! — выискивала идеальные стельки для туфель Кейли. Упрекнуть меня не в чем, я была как минимум охренительной подружкой невесты.

Можно подумать, она позволила бы мне быть не охренительной. Так что я выкладывалась на полную, мы обе

делали вид, что я в восторге от всей этой беготни, а Кейли время от времени рассыпалась в благодарностях.

Стискиваю зубы, вспоминаю прошлые выходные. Как я везла их с Маркусом в аэропорт — чтобы они могли заранее «освоиться» перед свадьбой. Кейли крепко обняла меня, чуть не задушила. «Ты самая-самая, Джем, я так тебя люблю! Все будет просто восхитительно!» И я такая: «Угу. Просто восхитительно». Интересно, она уловила лед в моем тоне и то, что я цежу слова сквозь зубы?

Кейли рассмеялась. Тряхнула головой, отстраняясь, и хлестнула меня волосами по лицу. Мы обе сделали вид, что ничего не заметили. «Конечно, ты согласна. Это же была твоя идея! Я так рада, что ты разрешила мне ее позаимствовать».

Она прямо светилась, глядя на меня. Я тоже растянула губы в улыбке, мечтая съездить ей по роже. Потому что она права: Кейли сперла мою свадьбу мечты, а я ей в этом помогла.

Она и думать не думала о выездной свадьбе, пока Маркус не сделал ей предложение. Хотела торжество за городом, летом. Но стоило мне обмолвиться про солнечную весеннюю свадьбу за границей — ту самую, о которой я всегда мечтала, — и все, привет.

Ей вечно надо быть на голову выше меня.

Урвала квартиру. Заполучила мужика. Теперь вот свадьбу закатывает. И повышение мое оттяпала.

Это несправедливо.

Но, похоже, только я это понимаю.

А что мне было делать-то? Мы же стали лучшими подружками еще в старших классах, когда я только переехала и оказалась той самой неловкой новенькой, которая никого не знает. Всю жизнь, считай, были не разлей вода. Даже школьную компанию я позаимствовала у Кейли — хотя довольно быстро оттеснила всех ее приятелей и заняла место рядом с ней. Мы и квартиру вместе снимали. Всегда делились шмотками и сплетнями, даже аккаунтом Netflix. Так почему бы и свадьбой не поделиться?

Я впихиваю сумку на верхнюю полку с большим рвением, чем следовало бы, и колеса с грохотом бьются о пластиковый край. Стюардесса вскидывает бровь.

Она подплывает ко мне, вся такая улыбчивая, и показывает на чехол для одежды, который я швырнула на сиденье, пока призраивала багаж.

— Давайте я это заберу?

— Да, пожалуйста.

Убери с глаз долой. Потеряй его, если в тебе есть хоть капля сострадания. Сожги на хрен.

— Особый случай?

— Свадьба, — цежу я сквозь зубы, а потом спохватываюсь — надо же изображать радость. — Моя лучшая подруга выходит замуж. Это мое платье подружки невесты.

— Ой, как мило! Не волнуйтесь, мы о нем позаботимся.

— Спасибо большое.

Да не напрягайтесь, честное слово, думаю я. Если это бирюзовое страшилище в рюшечках случайно вывалится

на взлетную полосу, попадет под колеса и промокнет под дождем — ему это только на пользу пойдет.

И еще один пункт в списке подлянок Кейли: она совершенно точно знала, что делает, решив напялить на меня этот кошмарный балахон в стиле бохо-классика а-ля романтик того оттенка, который делает меня похожей на утопленницу, со всеми этими многоярусными рюшечками, — а остальные подружки невесты будут щеголять в элегантных облегающих платьях с кокетливой оборочкой только у выреза. Честное слово, я бы лучше смотрелась в костюме пастушки Бо Пип*, как Кэтрин Хайгл в «27 свадьбы»**.

Я устраиваюсь у окна, надеваю наушники и утыкаюсь в телефон. Надо же в сотый раз перепроверить последние обязанности подружки невесты.

На экране сообщение от Кейли — отправлено всего две минуты назад.

Глянула — твой рейс вроде без задержек надеюсь погода не подведет! Жаль что ты не прилетела вчера, могла бы помочь разрулить с кейтерингом с утра ахаха, я из-за этого на массаж опоздала. Доброго пути зай! Скоро увидимсяя! ♥♥♥

---

* Бо Пип (англ. Во Пеер) — персонаж детского стихотворения, пастушка, традиционно изображаемая в очень женственном костюме с оборками.

** «27 свадеб» (англ. «27 Dresses») — американская романтическая комедия 2008 года, где героиня Кэтрин Хайгл, вечная подружка невесты, носит нелепые платья.

Я до боли прикусываю язык. Внутри бурлит только ярость — и больше ничего.

Ах, ну конечно, это же я должна была бегать и со всеми собачиться, раз уж Кейли закатила истерику. У нее-то были дела поважнее — например, массаж.

Чмоки-чмоки!

Я ее ненавижу, ненавижу, не-на-ви-жу.

Но она моя лучшая подруга. Она все, что у меня есть. Что мне еще было делать-то?

Строчу в ответ такую же приторную чушь, не удержавшись от шпильки насчет массажа (ну не могла я вырваться пораньше, мы же запускаем проект), — и открываю галерею на смартфоне.

Долго пялюсь на крошечную иконку видео с девичника. Того самого, которое надо было удалить.

Боже, какая жалость будет, если (конечно же если) оно вдруг включится во время моей речи вместо милейшего слайд-шоу, над которым я убивалась. Какая совершенно чудовищная случайность. Как гневно я буду отстаивать честь Кейли, став ее самой преданной заступницей, — чтобы ей и в голову не пришло меня обвинить.

Божечки, как же приятно было бы дать ей хлебнуть ее собственного яда!

Всего разочек.

Глава пятая

Леон

К несчастью для меня и для моей ненаписанной речи, рейс в Барселону — по расписанию. Не отменили из-за непогоды, даже не задержали.

Врываюсь в самолет весь в мыле, задыхаясь. Я до того взвинчен, что никак не могу сообразить, где мое место. И, разумеется, нет никакого знака свыше и в том, что багажные полки забиты под завязку: двум стюардам приходится двигать и перекладывать чужие вещи, чтобы впихнуть мой чемодан. Это же прямо как неоновая вывеска над головой: «Ну что ты здесь забыл?! Уходи! Вселенная кричит тебе об этом, а ты не желаешь слушать!»

Как водится, мне достается место у окна — приходится потревожить двух пассажиров, чтобы протиснуться. Ремень сумки за что-то цепляется, и сидящая с краю девушка взвизгивает.

— Ой!

Оборачиваюсь и вижу: я зацепил один из целой россыпи эмалевых значков на ее джинсовой куртке. Куртка

ей велика, больше смахивает на мужскую. Длинные каштановые волосы заплетены в две французские косички, концы свободно спадают на плечи. А глаза — огромные, с длинными густыми ресницами.

Она хорошенькая — нет, очень хорошенькая, — и я таращусь на нее как дурак, отчего ситуация становится в тысячу раз более неловкой.

— Простите...

— Нет-нет, я сама виновата! — суетится она, пытаюсь нас распутать.

— Нет, правда, это я не...

— Эй, слушайте, — раздраженно бурчит мужчина на среднем кресле, зажатый между нами. — Можно как-то поживее?

Она высвобождает ремень моей сумки, мы оба краснеем и рассыпаемся в извинениях, а неоновая вывеска над головой вспыхивает еще ярче прежнего: «Ну что ты здесь забыл?!»

Нет, конечно, все это никакие не знаки свыше. Вот только я никак не могу отделаться от мысли, что это все-таки знаки. Какие-то масштабные, вопиюще очевидные космические сигналы: все неправильно, так не должно быть. Я прямо слышу, как бабуля вопит мне с того света: «Да сделай уже что-нибудь! Чего ты ждешь?»

Пристегиваюсь, кладу ладони на колени — одна штанина до сих пор мокрая и противно липнет после инцидента с кофе — и делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться.